

ЛУННЫЙ ЛИК

У Джона Клэверхэуза было абсолютно лунообразное лицо. Вы, конечно, знаете этот тип — широкие скулы, совершенно теряющийся в щеках подбородок и широкий, толстый нос, как центр, находящийся на равном расстоянии от всех точек периферии кругоподобного лица! Вполне возможно, что именно поэтому я его ненавидел, — он раздражал меня всем своим видом, и я не сомневался в том, что земля тяготится его присутствием.

Повторяю, что я ненавидел Джона Клэверхэуза. И вовсе не потому, что он мне сделал то, что общество признает дурным. Ничего подобного. Зло, причиняемое им, было совершенно особого, глубокого, утонченного свойства; оно было крайне обманчиво, неуловимо и совершенно не допускало определенного словесного выражения.

Такие явления в определенный период жизни известны всем нам. Случайно мы встречаем человека, о существовании которого минуту тому назад и не подозревали, и тем не менее говорим в первый же момент: «Мне не нравится этот человек».

Почему он нам не нравится?

Ах, да мы сами не знаем почему; мы знаем только, что не нравится. Мы почувствовали к нему антипатию — вот и все! Такого рода чувство я испытывал к Джону Клэверхэузу.

Какое право имел этот человек на счастье и благополучие? А между тем он был ярко выраженным оптимистом: всегда был весел и смеялся; все на свете хорошо, черт его возьми! Господи, как меня оскорбляло то, что он счастлив! Другие люди могли смеяться, сколько угодно, — это меня ничуть не беспокоило. Я сам много смеялся, пока не встретил Джона Клэверхэуза.

Его смех! Он раздражал и бесил меня, как ничто другое под солнцем не могло раздражать и бесить меня. Этот ужасный, отвратительный смех гнался за мной повсюду, преследовал, захватывал меня, как клещами, и не выпускал. Во сне и наяву я слышал его... Словно какая-то огромная, дьявольская трещотка издавала эти звуки, которые со всех сторон доносились ко мне и безжалостно рвали струны моего сердца. На рассвете он мчался ко мне через поля и нарушал мои легкие утренние грезы... А в мучительные полуденные часы, когда сонно повисала зелень, в глубь леса удалялись птицы и от зноя замирала вся природа, — я слышал чудовищное «ха-ха, хо-хо»... Эти звуки поднимались к небу, душили все, хотели затмить солнце. А в темные ночи от того перекрестка, где Джон Клэверхэуз сворачивал к себе по дороге из города, доносился все тот же проклятый, раскатистый, истерический хохот и будил меня, и заставлял содрогаться в корчах, и глубоко вонзать ногти в ладони.

Однажды я тихонько загнал его скот на его же вспаханные поля, а утром услышал крикливый голос:

— Ну, что же, это бывает! Каждая скотинка ищет, где лучше. Вот и выбрала пастбище пожирнее.

У него была собака Марс, прекрасное, огромное животное, полугончая, полуищейка. Марс был его лучшим другом, с которым он никогда не расставался. Но однажды я воспользовался отсутствием хозяина и угостил Марса бифштексом со стрихнином. Уверяю вас, что на Джона Клэверхэуза это не произвело никакого впечатления. Его смех был ясен и задухновен по-прежнему, и по-прежнему лицо его напоминало полнолуние.

В другой раз я поджег его скирды, а на следующий день — это было воскресенье — я его встретил, как всегда радостного и веселого.

— Куда это вы? — спросил я, увидев его на перекрестке.

— За форелями, — сказал он, и лицо его сияло, как полный месяц. — Вы знаете, ведь я брежу форелями.

Ну можно ли найти другого такого невозможного человека? Весь хлеб его пропал, и я знал, что он не был застрахован. Джону Клэверхэзу грозил голод, жестокая зима, а он шел за форелями. И если бы печаль хоть сколько-нибудь изогнула его брови или удлинила лицо и сделала его менее похожим на луну, если бы хоть раз в жизни он сбросил с лица свою отвратительную улыбку, я уверен, что простил бы ему факт его существования. Нет, под ударами судьбы он становился все беззаботнее и веселее! Я однажды намеренно оскорбил его. Он удивленно улыбнулся:

— Вы хотите, чтобы я дрался с вами? — медленно спросил он и рассмеялся. — Господи, как вы наивны! Хо-хо! Вы меня уморите. Хи-хи-хи... Хо-хо-хо...

Ну, что бы вы сделали на моем месте? Это переполнило чашу моего терпения. Господи, как я ненавижу его! Потом еще эта фамилия! Клэверхэуз! Что за фамилия, что за абсурдная фамилия! Клэверхэуз! Милостивый боже, *почему* Клэверхэуз? Я бы ему многое простил, если бы его звали Смитом, Брауном или Джонсом. Но Клэверхэуз! Имеет ли право на существование человек с такой фамилией? Я спрашиваю вас. Вы говорите: «нет», и я говорю: «нет!»

У меня хранилась закладная на его имение. Приняв во внимание тяжелое его положение после пожара, я прекрасно понимал, что он не сумеет уплатить по закладной, и, следовательно, осталось только найти ловкого и искусного кулака и продать ему закладную. Это я сделал, и Джону Клэверхэзу было дано только несколько дней на вывоз имущества из имения, в котором он жил более 20 лет. Я спустился вниз, чтобы посмотреть на него. Он встретил меня, весело подмигивая тарелкообразными глазами; свет все больше и больше озарял его лицо, и через несколько секунд оно уже было похоже на полную, ясную луну, высоко стоящую в небе.

— Ха-ха-ха! — засмеялся он. — Забавный случай! Дайте я вам расскажу, это замечательно!

Он стоял внизу, почти у самой воды; в это время с горы отвалился огромный ком глины, скатился в воду и забрызгал Джона Клэверхэуза.

Подобного приступа адского хохота я еще не слышал. Джон Клэверхэуз остановился только на мгновение, чтобы выждать, пока я присоединюсь к его бешеному веселью.

— Я не вижу тут ничего смешного, — сухо и коротко сказал я.

Он взглянул на меня с удивлением, а спустя несколько мгновений его лицо уже снова светилось, как полная летняя луна.

— Ха-ха!.. Ничего смешного?! Хи-хи! Неужели вы не чувствуете? Хо-хо-хо! Ну, вот, видите ли, лужа...

Я повернулся и оставил его.

Наступил конец — дольше терпеть его я был не силах.

«Так или иначе с ним нужно покончить, дьявол его побори!» — рассуждал я.

Необходимо, наконец, освободить от его присутствия бедную землю... В этой мысли меня все больше укреплял чудовищный смех, который, словно по пятам, гнался за мной. Конец!..

Я горжусь тем, что всегда чисто, педантично и аккуратно обделываю свои делишки. Когда у меня мелькнула мысль убить Джона Клэверхэуза, я решил сделать это так, чтобы никогда в жизни мне не пришлось устыдиться содеянного. К тому же я ненавижу неприкрытое зверство. Мне отвратительно зрелище голого кулака, наносящего смертельный удар. Убить Джона Клэверхэуза (о, что за имя!) надо было искусно, артистически... И таким образом, чтобы на меня не пало ни малейшее подозрение.

Спустя неделю, после сосредоточенного раздумья я выработал необходимый план. Я приобрел пятимесячную болонку-суку и все свое время стал посвящать ее дрессировке, причем главное внимание обращал на процесс *возвращения*. Я научил Беллону приносить палки и разные другие вещи, которые бро-

сал далеко в воду, и строго наказывал ее, если она хоть сколько-нибудь впивалась зубами в дерево! В самом скором времени результаты дрессировки меня вполне удовлетворили, и я решил перейти к выполнению своей непосредственной цели.

Зная закоренелую слабость Джона Клэверхэуза и его любовь к собакам, я подарил ему Беллону.

— Нет, вы шутите! — сказал он мне и улыбнулся так, что в одно мгновение озарилось все его круглое лицо. — Вы смеетесь надо мной! Странно, может быть, но мне почему-то всегда казалось, что вы относитесь ко мне без всякой симпатии. Не правда ли, очень смешно, что я так ошибался?

И с этими словами он покатился со смеху.

— Как ее зовут? — спросил он в промежутке между двумя пароксизмами смеха.

— Беллона!

— Хи-хи! — захихикал он. — Какое странное имя!

Я заскрежетал зубами и с усилием произнес:

— Это жена Марса, вашего покойного Марса.

— Значит, Беллона — вдова! О! Хо-хо-хо!.. Хе-хе...

Я не в состоянии был выдержать эту пытку и убежал.

Спустя неделю, в субботу вечером, я сказал ему:

— Если не ошибаюсь, вы в понедельник уезжаете?

Он кивнул головой и улыбнулся.

— Значит, вам не удастся более полакомиться форелями, которыми вы бредите?

Он не уловил моей насмешливой нотки и заявил с прерывистым смехом:

— Нет, завтра утром я думаю попытаться...

Таким образом я убедился в своем предположении и в восторге от своих планов направился домой. Увидя его утром с сеткой и мешком из тонкой рогожи за плечами, я понял, куда он направляется. Я пересек по диагонали пастбище и по кустарнику, незамеченный, поднялся на верхушку горы, откуда свободно, не выдавая своего присутствия, мог следить за происходящим на берегу.

Вскоре я увидел Джона Клэверхэуза, за которым вприпрыжку неслась Беллона; оба, видимо, были в самом приподнятом настроении; короткий, отрывистый лай собаки поминутно сливался с глубокими, басовыми нотками смеха ее хозяина, который, сбросив на землю мешок и сетку, вынул из кармана нечто, весьма похожее на толстую сальную свечку. Но я прекрасно знал, что это была не свечка, а кусок «гиганта», которым он взрывал форелей: новый, оригинальный способ ловли рыбы. Он завернул трубку в вату, зажег ее с одного конца и бросил в воду.

С быстротой молнии Беллона бросилась за трубкой, и я едва удержался, чтобы не закричать от радости. Клэверхэуз завопил изо всех сил, но напрасно. Тогда он стал бросать в собаку комьями земли и камнями, а та продолжала плыть до тех пор, пока не схватила зубами «гиганта», и только после этого повернула к берегу. Джон Клэверхэуз сразу сообразил, какая опасность ему угрожает, и немедленно обратился в бегство... Беллона, конечно, бросилась за ним. Я никогда не представлял себе, что неуклюжий Джон Клэверхэуз способен так быстро бегать... Но все его усилия были тщетны...

Беллона догнала его, и в ту же секунду блеснула искра... другая, поднялся клуб дыма, раздался взрыв, и через секунду на том самом месте, где стояли человек и собака, не оказалось ничего: только огромная яма в земле.

«Смерть от несчастного случая во время противозаконной рыбной ловли!» — вот как формулировал суд гибель Джона Клэверхэуза. Полагаю, что я имею право гордиться тем артистическим способом, коим покончил с моим злейшим врагом. О зверстве — нет и помину: мне не приходится краснеть. Надеюсь, что вы согласны со мной.

Теперь уже не раздается адский хохот Джона Клэверхэуза и горное эхо не повторяет и не множит его. Уже не видно его толстого, луноподобного лица...

Теперь спокойны дни мои и крепки сны...